

Ю.В. ЛОБАНОВ

Памяти наших товарищей
Константина Хомякова и Валерия Фетисова

«Синильга» и «Мраморный»

*«Росу голубую склевала синица,
Над Южным болотом клубится рассвет.
Мы завтра уходим, и снова Синильга
Березовой веточкой машет нам вслед».*

Эту туристскую песню нечасто поют у костра. Только тогда, когда вспоминается что-то очень светлое, чистое, романтическое, щемящее душу. И поют её те, кто в далекой походной юности ощутил на себе взмах этой веточки...

«Мы идем по Кодару» - ложится первая строчка в моем дневнике. Хребет Кодар – самое красивое место в Сибири из всех тех, где мне удалось побывать во время походов от Урала до Дальнего Востока. На языке так и вертится штамп, что туда «только самолетом можно долететь». Но в данном случае это не абстрактная строчка из песни, а сама реальность. Это позже, спустя несколько лет, туда подойдет ветка БАМа, о котором тогда даже не было слышно. Я из старых книг знал, что в тридцатых годах существовал проект строительства на Дальнем Востоке железной дороги с названием «Байкало-Амурская магистраль», но он не был реализован и совсем забыт, тем более что вскоре началась война.

Начало нашего маршрута – поселок Чара; а туда нужно еще долететь, а пассажирских рейсов практически не было, только грузовые, да и те не частые. Вопрос нужно как-то решать, времени у нас не так много: у кого отпуск 24 рабочих дня, другим повезло побольше – у них студенческие каникулы.

Нас – две сборных туристских группы, «авиационники» и «нефтяники», по названию наших уфимских институтов. Одной из них руководил Константин Хомяков, Спустя много лет, (а что такое много?) другие туристы обращались к нему Петрович, как к «патриарху башкирского туризма», а я и остальные ребята – участники того похода, продолжали по привычке звать его Костей. Пройдя такой маршрут, по-новому начинаешь ценить настоящую дружбу. Прав был Гоголь – «нет уз святее товарищества».

Второй группой руководил мой близкий по духу товарищ Валера Фетисов, с которым прошли вместе несколько серьезных походов.

...Ждем самолет уже третий день, наконец, вроде повезло. Подходит Валера, чуть покачиваясь, и с хитрой, немного блуждающей улыбкой говорит:

– Утром ползём на аэродром.

– Как ползём? – не поняли мы, приняв его слова за неудачную шутку.

– Очень просто. Мы договорились с летчиками Ан-2, они летят в Чару и возьмут несколько человек, но аэродромное начальство об этом не знает. Поэтому мы должны незаметно подползти к самолету и загрузиться в него.

Как он договорился с летчиками, можно было и не гадать, так как из-за пазухи выглядывало горлышко фляжки.

Легко сказать доползти, ведь нужно каким-то образом толкать впереди себя или тянуть за собой на лямках тяжелый рюкзак. У парней он весил более сорока килограммов, а у девушек, которые были в нашей группе, почти тридцать. Это были еще те времена, когда в поход по студенческой традиции брали и девушек; позже на самых сложных маршрутах у нас был чисто мужской состав.

Доползаем до самолета, который уже стоит на взлетной полосе с работающим мотором, и одним рывком «забрасываемся» внутрь. Там в панике от нас шарахается мужик, сопровождавший груз, под который был зафрахтован самолет. Он принял нас за «забайкальских комсомольцев» – так шутливо расшифровывалась аббревиатура «ЗК», а все происходило и в самом деле в Забайкалье.

Если бы я был поэтом, то обязательно написал бы «Оду летчикам Ан-2», работавшим на Севере и Дальнем Востоке. Сколько раз они нас выручали во время походов, и совершенно бескорыстно, чего в нынешние времена уже не встретишь.

Об этом как-нибудь потом, а пока мы летим на север, делая по пути несколько посадок для дозаправки в небольших населенных пунктах. Болтанка и эти взлеты-посадки полностью выматывают не только душу, но и все остальное. После очередной посадки в поселке, название которого, «Тунгокочен», я почему-то запомнил, из самолета, пошатываясь, выходит Алик Узянбаев, один из крепких наших туристов и отличный гитарист с самым большим репертуаром туристских песен, и что-то рукой выскребает и выбрасывает из кармана штормовки. В Ан-2 нет специальных аэрофлотовских гигиенических пакетов, а он накануне весь вечер вместе с Валерой «договаривался» с летчиками.

Наконец-то и поселок Чара. На берегу реки с таким же названием разбиваем лагерь и ждем, когда с оказией доберутся остальные ребята. В подобных ситуациях, особенно когда долго держится нелетная погода, мы настолько привыкли к ожиданиям «борта», что это не в тягость, так как всегда можно чем-нибудь заняться, особенно в новых местах, таких как этот маленький поселок, в окружении красивой нетронутой природы.

То, что произошло с нами в поселке Чара, случиться может, наверное, раз в сто лет. Вначале слышали вдалеке звук вертолета. Сделав круг, он приземлился на дальнем краю полосы, и из него вышло несколько человек,

как оказалось, геологов. Их партия работала в отрогах соседнего хребта Удокан.

– Ребята, помогите разгрузить, – обратились они к нам.

Геологи, как и летчики, для нас самые уважаемые люди, поэтому мы дружно помогли выкатить огромный тяжелый камень размером около полутора метров.

– Что это за минерал? – поинтересовались мы, глядя на его необычный сиреневатый цвет с темно-зелёными вкраплениями.

– Да вот пока не можем определиться, скорее всего, разновидность лепидолита. Вы к нему особенно близко не подходите, возможно, радиоактивный, – сказали они, чтобы мы не трогали его.

Но любопытство взяло верх, и мы потихонечку ледорубом отбили несколько кусочков на память.

В нашей группе был один молодой парень, по-моему, его звали Рим, но точно не помню, поскольку после этого похода он исчез с туристического горизонта. Так вот он пожадничал и набрал несколько кусков минерала. Вечером мы решили подшутить над ним, громко спрашивая друг у друга

– Слушай, ты куда дел свой камень?

– Я унес его за двадцать метров вниз по речке, и спрятал на берегу, а ты?

– Я закопал его вон там под кедром, ведь с радиацией не шутят.

Рим, услышав это, молча берет ледоруб и уходит в темноту. Слышим, как он долбит промерзшую почву, пряча «радиоактивный» минерал. Когда он возвращается, мы громко хохочем.

Этот минерал впоследствии был назван «чароитом». Как приятно осознавать, что в наше время, когда уже совершены все географические открытия, ты присутствовал в момент обнаружения нового, ранее не известного на Земле минерала. Тот кусочек чароита я храню до сих пор в первозданном виде, без обработки и шлифовки. Так он выглядит для меня еще красивее.

Наконец-то вся наша группа собралась, и мы выходим на маршрут. Такого контраста в тайге я еще не встречал: болота, песчаные барханы, гигантский кедровый стланик, скалы и ледники, и все в одном месте. Вначале идем по болотистой долине. Цель – сверкающий белыми ледниками хребет Кодар. Кажется, он рядом, но проходит час за часом, ходка за ходкой, а мы почти не приблизились.

И вот первое чудо. Посреди тайги возвышаются настоящие огромные песчаные барханы высотой более десяти метров. Мы – в пустыне.

Кто-то пошутил:

– Интересно, а где верблюды?

Другой добавил:

– Я слышал, что они здесь рогатые, поскольку скрестились с оленями.

Наконец-то наверху бархана можно снять с головы наше «ноу-хау» – хозяйственные сетки-авоськи, пропитанные репеллентами против мошки и гнуса. Состав репеллентов тоже особый: к стандартному средству «Тайга» мы добавляли диметилфталат, в котором были растворены пластмассовые

детские игрушки (куклы и различные зверюшки). Эта смесь слабо испарялась и долго сохраняла свои свойства.

В накомарнике по тайге далеко не уйдешь: либо порвешь, зацепившись за ветки, либо мелкая и вредная мошка все равно пролезет сквозь ячейки, и он становится бесполезным.

На ночь эти авоськи мы вешаем перед входом в палатку, чтобы отпугнуть мошку и комаров.

На следующий день, переправляясь по бревну через ручей, Костя Хомяков поскользнулся, грохнулся вниз со своим огромным рюкзаком и, похоже, сломал ногу. И это в начале маршрута! Падение сопровождалось очень характерными выражениями, и по тайге эхо долго повторяло различные многоэтажные словосочетания, а Костя был мастер «изящной словесности», среди которых наиболее чётко прослушивалось «мать! мать!».

Вынужденно ставим лагерь, накладываем ему шину, делаем костыль.

– Ребята, перекантуйте меня на берег озера, – говорит он.

Там он как заядлый таежный рыболов, в полусидящем–полулежащем состоянии умудрился довольно быстро наловить хариусов на ужин на две группы. Кто ж не знает, что Костя в поход не пойдет, если там не будет настоящей рыбалки в окрестных горных речках и озерах.

Рядом, чуть выше по течению, в вечернем тумане на водопой вышел изюбрь, но пока бегали за ружьем, он скрылся в тайге. Некоторые азартные, но наивные ребята попытались догнать по следам и, естественно, вернулись ни с чем.

Вечером у костра заходит разговор о том, что в этих местах после войны были урановые рудники, на которых работали пленные эсэсовцы и властовцы.

– Здесь было два лагеря для зэков – «Синильга» и «Мраморный», – говорит Валера, – но где они находятся, точно не известно.

Такие сведения в те времена были «закрытыми», да и сейчас об этом не болтают на каждом углу.

С утра разгружаем Костин рюкзак поровну между всеми участниками. Досталось и нашим девчонкам. Эта «перезагрузка» впоследствии сказалась на их здоровье, но, в конце концов, все разрешилось благополучно.

Идем по азимуту и натываемся на старую гать, по ней доходим до большой поляны, заросшей явно молодыми, густо посаженными деревьями. Ничего не напоминает о том, что здесь был лагерь, кроме непонятно каким образом сохранившихся деревянных сортиров, стоявших в тайге за несколько десятков километров от ближайшего людского жилья. Тогда в лагере с названием «Синильга» произошел бунт заключенных, срочно был доставлен взвод автоматчиков, которые быстро решили поставленную задачу: «нет человека – нет проблем». От людей не осталось никаких следов, ни могил, ни крестов – только одни сортиры. Может так говорить жестоко, но в сознании перевешивает мысль, что все они – либо враги, либо предатели нашей Родины, а не невинно репрессированные граждане.

Как в жизни порой все переплетается: и чистота отношений, и предательство, и романтика, и проза, а порой и жестокость. Человек может почувствовать себя и хозяином природы, и крошечной песчинкой огромной Вселенной, а иногда и просто винтиком в сложной, бездушной и искусственно навязанной общественной системе.

О той трагической для нашего народа эпохе, о тех репрессиях мы больше узнавали из походов по местам «боевой славы», чем из книг и кинофильмов. Ведь рассказы и повести Варлама Шаламова, Александра Солженицына и Георгия Жжёнова были практически недоступны.

Проходим несколько перевалов. Долины между отрогами хребта очень узкие и глубокие, склоны крутые, поэтому вначале приходится подниматься чуть ли не на четвереньках. Попадаем в зону кедрового стланика. Кто его не видел – тот не видел настоящей тайги. Но в отличие от других мест, здесь он очень толстый (не из-за радиации ли? – шутка). Он лишь немного прогибается под твоей тяжестью, а затем пружинит и кидает тебя с рюкзаком, иногда даже вверх ногами. Пробираться по нему сложно, теряешь много сил и времени. Здесь тропы нет. Ищем ручей внизу и идем по руслу в ледяной воде. Ноги долго не выдерживают, коченеют. Снова вверх – в стланик, снова в ручей, снова в стланик...

Впереди – все черно. Вместо привычного глазу зеленого цвета – черные, тянущиеся и застывшие, обугленные лапы кедрового стланика, цепляющие и хватающие тебя, не желая пропускать. Не так давно здесь прошел таежный пожар, уничтоживший всю зелёную долину. Сразу замечаешь, что нет знакомых таежных звуков, птичьих голосов, только один раз вдалеке пролетела кедровка, но и она не издала своего резкого пронзительного карканья, торопясь побыстрее покинуть эти места.

Прошло три дня. Поднимаемся по камням и натываемся на какое-то подобие не то тропы, не то дороги. Заметить её и идти по ней трудно, так как она скрыта посаженными деревьями. Значит, где-то здесь был второй лагерь и урановый рудник – Мраморный.

Даже спустя много лет перед глазами всплывает эта жуткая картина. Мы поднимаемся выше и выше, «зелёнка» уже осталась внизу, только мокрые камни и темно-серые скалы. Впереди – темное мрачное ущелье, как каменный мешок с узким входом-горловиной. Время – часа четыре-пятый, но лучи солнца уже сюда не попадают. Это ущелье, так называемый «цирк», резко заканчивается огромной отвесной скалой, которая кажется мокрой и скользкой, что по ней не то что человек, но и никакой зверь не поднимется и нескольких метров.

На входе в ущелье стоят две-три казармы, дальше вышки охраны, оборудованные под пулеметы, и, собственно, «зона», отгороженная рядами колючей проволоки.

Заходим то ли в казарму, то ли в красный уголок для бойцов охраны. Такое ощущение, что это место недавно, но спешно покинули. Стоит стол, а на нем пюпитр. Валяются газеты. Поднимаю «Правду» 1951 года, в глаза бросается статья «Колхоз имени Берия досрочно закончил посевную». Упо-

минание Берии здесь воспринимается очень остро и немного страшно. Я раньше не слышал, чтобы колхозы носили его имя.

Проходим дальше. Все подавлены и молчат. Шутки кажутся неуместными и тут же повисают в воздухе, и от этого еще тревожнее. Солнце совсем зашло за скальный гребень. На вышке охраны подвешен кусок рельса. Ударяю по нему альпенштоком – и звук как-то зловеще, со скрытой угрозой, движется по каменному мешку, отражается от сырых темно-серых скал, вновь возвращается к тебе, не давая вырваться из этого круга. «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Глядя с высоты вышки на лагерь, становится понятным, что два пулемета на входе в «каменный мешок» без проблем могут подавить любую попытку массового побега. Живыми отсюда не выходят. Хотя бойцам идет год службы за три, и выдаются спецпайки, но это никак не защищает от воздействия рудника.

Заходим в зону за колючую проволоку. Такое ощущение, что вечером или ночью человек вообще перестает ощущать себя человеком, и жизнь его совсем ничего не стоит. Вряд ли сюда ночью зайдет охрана наводить порядок, здесь свои нечеловеческие и даже не звериные (чтобы не обижать животных) законы.

Алик нашел самодельную алюминиевую ложку. Откуда она здесь появилась? Значит все-таки мы на Земле, а не в преисподней.

Вход в сам рудник взорван, внутрь не попасть, да и любопытства уже не осталось. Ко входу в тоннель проложены деревянные настилы из грубых досок, а рядом валяется перевернутая тачка, на которой возили руду. Эдик Макурин поднимает ее, ставит на доски; тачка без скрипа катится вниз, как будто она не пролежала здесь несколько десятков лет, а только что была оставлена.

Каждому становится понятно, что отсюда невозможно было убежать и скрыться. Но даже если бы это произошло, то до ближайшего поселка – более сотни километров, а жители поселка уже проинструктированы органами о возможном появлении незнакомых людей. От поселка до «большой земли» тем более не добраться.

Фотографируем молча, чтобы вдруг здесь не появился кто-нибудь из прошлого, поднятый нашим шумом.

Задерживаться еще нет никакой охоты, поскорее бы вырваться отсюда за линию казарм. Быстро спускаемся вниз, вырвались! Сразу начинаешь ощущать, что у тебя сырые ноги, немного бьет озноб, и ты еще ускоряешь шаг, чтоб хоть немного согреться и отойти от оцепенения.

Вечером у костра, выпив из запасного титанового наконечника для альпенштока по 33 грамма чистого спирта (правда, несколько раз), обсуждаем все увиденное. На той самодельной ложке каждый из нас выцарапывает какую-нибудь фразу, типа «раньше сядешь – раньше выйдешь», «ищи мясо», «честный труд – путь к освобождению», и от этих дурацких надписей тяжесть увиденного немного спадает...

Дальше наш маршрут уже пролегал по нехоженным горам, чистым прозрачным ручьям, белоснежным ледникам, где только ты и природа, всё то, к чему ты стремился, и никаких людских напастей.

Сегодня у нас «днёвка», то есть день отдыха. Жалко, что она вынужденная, так как перевалы закрыты облаками, в долине – туман, видимость – ноль, частит дождь. В этом месте маршруты наших групп пересеклись, мы не встречались больше недели.

Наконец увидели и Костю Хомякова. Он со своим костылем и еще с двумя участниками прошел по короткому, относительно несложному пути (хотя в горах несложных дорог не бывает), а нашей группе и оставшимся ребятам из его группы нужно было пройти несколько дополнительных перевалов, чтобы выполнить заявленные на пятерку маршруты. Один из таких перевалов запомнился надолго.

На него мы делали радиальный выход и пошли налегке, взяв только снаряжение: ледорубы, кошки, веревку, а также сухой паек. Маршрут и свои силы мы неточно рассчитали: пришлось рубить много ступеней на леднике, поэтому вынуждены были заночевать практически на самом перевале. Естественно, дров не было, устроили холодную ночевку. На камни положили полиэтиленовые накидки, а на них зигзагообразно размотали веревку. Улеглись плотно друг к другу и накрылись остатками накидок. Хорошо, что я догадался взять с собой шерстяной свитер, поэтому лег с краю с наветренной стороны. Еще раз убедился в верности слов: идешь в тайгу на день, бери запас на неделю. Но тогда мы были очень молоды, поэтому эта ночевка осталась без последствий, а перевал этот – мы взяли.

Но все это позади, и все очень рады встрече. Дежурные моют посуду и котелки после совместного обеда, на который Валера приготовил «сагудай» из сырого хариуса, а остальные насобирали грибов, которых здесь не счесть. Вскрыли тушенку и фляжку; на третье у нас фирменное блюдо «Отелло» из какао, сухого молока сахара, изюма и кедровых орешков, и кисель из брусники, жимолости и голубики.

Мы в палатке-памирке режемся в преферанс. С «нефтяниками» у нас давние счеты. Они не закладываются на четвертого валета и часто проигрывают.

– Юра, достань «зачачку».

Ребята знают, что я всегда беру в поход пачку хороших сигарет, (а тогда это были болгарские «БТ»), и когда табак и махорка заканчиваются, я из глубин рюкзака королевским жестом достаю эту пачку. Сам я практически не курю, разве только в особые моменты, например, после первопрохождения перевала.

Костя Швиндт, обычно очень шумный и деловой, сейчас молчит. Накануне он вымотался, «транспортировав» Женю Дубровского, который съел несколько ложек просроченного сухого молока, запив ледяной водой из ручья, и теперь у него в желудке эта смесь закаменела. Этот комок даже прощупывается. На «консилиуме», после того как каждый из нас его ощупал, решили: «Рассосется!»

За палаткой, покрытой хлопающей от дождя и ветра полиэтиленовой пленкой, раздаются какие-то рычащие звуки. Мы смеёмся – ясно, что из соседней палатки решили нас разыграть или попугать. В ответ – тоже рычим. Потом нам это все надоело: «давайте продолжайте сами». Вскоре и там замолчали. Минут через пятнадцать вылезая наружу в дождь (эх, сидел бы в сухой палатке, а не мокнул под дождем, но против природы не попрёшь) и вижу рядом ещё дымящийся медвежий помет. Оказывается, наша палатка поставлена на его тропе. Я громко крикнул, все выскочили, двое с ружьями, но в наступивших сумерках никого не было видно. В это вечер в палатке смеха больше не было, от палатки никто далеко не отходил, а сон был очень чуткий.

Возвратившись в Уфу, по традиции решили поставить «точку», отметив окончание похода. На «точку» приносим все то, что мечтаешь съесть в походе – это и огромный красный арбуз, и малосольные огурчики, и молодую картошку, и мороженое, и еще много всякой всячины.

Девчонок, которых в походе мы привыкли видеть в штормовках и громоздких турботинках, здесь совсем не узнать в легких, открытых платьях и модных туфельках. Только по загару на шее и на руках можно было догадаться, что они недавно вернулись из похода.

Точка была не совсем обычна, так как одновременно с ней справляли свадьбу наших ребят. Костя Хомяков показал мастер-класс, налив до краев в туфельку невесты водки и выпив залпом за здоровье молодых. Жизнь хороша, впереди много планов, маршрутов и надежд. Впереди всё только хорошее.

Прошло много лет, но и сейчас, услышав у костра песню «Синильга» сразу вспоминаю наш поход на Кодар и ребят, с которыми мы вместе его прошли.

*«Ребята, ребята, мы будем не в силах
Вернуть удивительный этот рассвет.
Ведь только однажды, однажды Синильга
Берёзовой веткой помашет нам вслед».*

Уфа, 12 мая 2009 года, 4 часа утра.